

УДК 821.112.2-2
ББК 84(4Гем)-6
Г44

Johann Wolfgang von Goethe
FAUST

Перевод с немецкого *Н. Холодковского*

Оформление серии и обложки:
Александр Кудрявцев,
студия графического дизайна «FOLD & SPINE»

Гёте, Иоганн Вольфганг.
Г44 Фауст / Иоганн Вольфганг Гёте ; [пер. с нем.
Н. Холодковского]. — Москва : Издательство «Э»,
2017. — 416 с. — (#правильные_книги).

ISBN 978-5-699-98690-3

Доктор Иоганн Фауст — личность не только легендарная, но и историческая: ученый-врач или маг-чернокнижник, шарлатан и плут, живший в XVI веке в Германии. Фауст стал героем немецкого народа, которому щедро приписывались всевозможные чудеса. Отвергнув современную науку и религию, герой драмы Фауст продает душу дьяволу в обмен на возможность вновь изведать радости опостылевшей ему жизни.

Уже в наше время историю о Фаусте многократно экранизировали, переписывали, ставили в театре. Но драму немецкого поэта и мыслителя Гёте никто так и не смог превзойти в дерзости и оригинальности.

УДК 821.112.2-2
ББК 84(4Гем)-6

© Холодковский Н., перевод
на русский язык, 2017
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Э», 2017

ISBN 978-5-699-98690-3

Посвящение

Вы вновь со мной, туманные виденья,
Мне в юности мелькнувшие давно...
Вас удержу ль во власти вдохновенья?
Былым ли снам явиться вновь дано?
Из сумрака, из тьмы полузабвенья
Восстали вы... О, будь, что суждено!
Как в юности, ваш вид мне грудь волнует,
И дух мой снова чары ваши чует.
Вы принесли с собой воспоминанье
Веселых дней и милых теней рой;
Воскресло вновь забытое сказанье
Любви и дружбы первой предо мной;
Все вспомнилось: и прежнее страданье,
И жизни бег запутанной чредой,
И образы друзей, из жизни юной
Исторгнутых, обманутых фортуной.
Кому я пел когда-то, вдохновенный,
Тем песнь моя — увы! — уж не слышна...
Кружок друзей рассеян по вселенной,
Их отклик смолк, прошли те времена.
Я чужд толпе со скорбью, мне священной,

Мне самая хвала ее страшна,
А те, кому моя звучала лира,
Кто жив еще, — рассеяны средь мира.
И вот воскресло давнее стремленье
Туда, в мир духов, строгий и немой,
И робкое рождается песнопенье,
Стеня, дрожа золовой струной;
В суровом сердце трепет и смиренье,
В очах слеза сменяется слезой;
Все, чем владею, вдаль куда-то скрылось;
Все, что прошло, — восстало, оживилось!..

Пролог в театре

Директор, поэт и комик

Директор

Друзья, вы оба мне не раз
Помочь умели в горькой доле;
Как ваше мненье: хорошо ли
Пойдут дела теперь у нас?
Тружусь для публики я неизменно:
Она живет и жить другим дает.
Уже стоят столбы, готова сцена,
Ждет праздника взволнованный народ.
У нас ведь все к чудесному стремятся:
Глядят во все глаза и жаждут удивляться.
Мне угождать толпе хоть и не новый труд,
Но все ж меня берет невольное сомненье:
Прекрасного они, конечно, не поймут,
Зато начитанны они до пресыщенья.
Вот дать бы пьесу нам поярче, поновей,
Посодержательней — для публики моей!
А ведь приятен вид толпы необозримой,
Когда она вокруг театра наводнит
Всю площадь и бежит волной неудержимой,

И в двери тесные и рвется и спешит.
 Нет четырех часов, до вечера далеко,
 А уж толпа кишит, пустого места нет —
 Точь-в-точь голодные пред лавкой хлебопека,
 И шею все сломить готовы за билет.
 Такие чудеса во власти лишь поэта!
 Мой друг, теперь прошу: скорей ты сделай это.

Поэт

Не говори мне о толпе безумной —
 Она иной раз вдохновение спугнет;
 Избавь меня от этой давки шумной,
 Влекущей мощно в свой водоворот;
 Нет, тишины ищущий я, многодумный, —
 Лишь там поэту радость расцветет;
 Там, только там божественною властью
 Любовь и дружба нас приводит к счастью.
 Что в глубине сердечной грудь лелеет,
 Что просится на робкие уста —
 Удачно ль, нет ли, — выйти чуть посмеет
 На свет — его погубит суета!
 Нет, лучше пусть годами дума зреет,
 Чтоб совершенной стала красота!
 Мишурный блеск — создание вероломства,
 Прекрасное родится для потомства!

Комик

Потомство! Вот о чем мне речи надоели!
 Что, если б для него — потомства — в самом деле

И я бы перестал смешить честной народ?
 Кто ж публику тогда, скажите, развлечет
 Веселой шуткою, ей нужной, без сомненья?..
 Нет, как хотите, а держусь я мненья,
 Что весельчак заслужит свой почет
 И что забавник не лишен значенья.
 Кто интересен публике, мой друг,
 Тот говорить с толпою может смело;
 Увлечь ее — ему пустое дело.
 Успех тем легче, чем обширней круг!
 Итак, смелей вперед! Вы можете заставить
 Фантазию, любовь, рассудок, чувство, страсть
 На сцену выступить; но не забудьте часть
 И шаловливого дурачества прибавить.

Д и р е к т о р

А главное, мой друг, введите приключенья!
 Глазеть на них — толпе нет выше наслажденья;
 Ну, и пускай толпа, разиня рот, глядит...
 Причудливую ткань раскиньте перед нею —
 И вы упрочили за пьесою своею
 Успех, и к вам толпа уже благоволит.
 Пусть масса массу привлекает!
 Пусть каждый кое-что на вкус получит свой!
 Кто много предложил, тот многим угождает —
 И вот толпа идет, довольная, домой.
 Смелее все в куски мельчайшие крошите —
 И этот винегрет успех доставит вам.
 Легко вам выдумать, легко представить нам!
 Что пользы, если вы им «целое» дадите?
 Ведь публика ж его расщиплет по кускам.

Поэт

И вы не видите, как гнусно и постыдно
 Такое ремесло? Иль не художник я?
 Дрянных писак пустая пачкотня
 У вас вошла уж в правило, как видно.

Директор

Не может нас упрек подобный оскорбить;
 Ведь всякий человек, рассудок свой имея,
 Берет оружие, какое бьет вернее.
 С волками жить — по-волчьи выть!
 Кто ваша публика, позвольте вас спросить?
 Один приходит к нам, чтоб скуку утолить,
 Другой, набив живот потуже,
 Спешит сюда переварить обед,
 А третий — что для нас всего, пожалуй, хуже —
 Приходит нас судить по толкам из газет.
 Для них одно — театр, балы и маскарады:
 Лишь любопытством весь народ гоним;
 А дамы — те идут показывать наряды:
 Чтоб роль играть, не нужно платы им.
 О чем вы грезите? Спуститесь-ка пониже!
 Вам хорошо смотреть с надзвездной вышины!
 Нет, вы взгляните-ка поближе!
 Те грубы, эти холодны!
 Тот хочет пьянствовать недели,
 А тот в игорный дом идет...
 Смешно, когда поэт зовет
 Великих муз к ничтожной цели!
 Прошу вас об одном: побольше сочинить,

Как можно более — вот в чем мое стремленье!
 Запутайте толпу, введите в заблужденье;
 Иначе — верьте мне — ей трудно угодить.
 Что с вами? Или вас коснулось вдохновенье?

Поэт

Иди других ищи себе рабов:
 Мне высшие права природа уделила.
 Предам ли на позор высокий дар богов?
 Продажна ли певца святая сила?
 Чем трогает сердца восторженный поэт?
 Какая сила в нем стихиями владеет?
 Не та ль гармония, что в сердце он лелеет,
 Которою, творя, объемлет он весь свет?
 Когда природа-мать движеньем равнодушным
 Нить вечную влечет веретеном послушным,
 Когда все сущее, сменяясь каждый час,
 В нестройный, резкий хор сливается вокруг нас, —
 Кто звуки мерные в порядке размещает,
 Чьей речи верный ритм живителен и тверд?
 Кто единичное искусно обобщает,
 Объединяя все в торжественный аккорд?
 Кто бурю выразит в борьбе страстей кипучей,
 В течение строгих дум — зари вечерней свет?
 Весны роскошный, лучший цвет
 К ногам возлюбленной бросает кто, могучий?
 Кто цену придает незначащим листам,
 В прославленный венок вплетая листья эти?
 Кто стережет Олимп, кто друг и связь богам?
 Мощь человечества, живущая в поэте!

К о м и к

И долг ваш — эту мощь на деле применить!
Итак, ловите же минуты вдохновенья,
Как ловит ловелас предлог для похождения!
Угодно ль, например, любовь изобразить?
Случайно сходятся — взаимное сближенье,
Затем — свидания, надежды, опасенья;
То счастье близко к ним, то вновь уходит вдаль,
То ревность, то боязнь, то радость, то печаль, —
Глядишь — готов роман. И так-то все на свете.
Смелей лишь черпайте из жизни всех людей —
И для задуманной комедии своей
Не будете нуждаться вы в предмете.
Всяк испытал, конечно, чувства эти,
Но редкий знает, сколько в них чудес.
Где ни копните — тут и интерес!
Картина попестрей, поменьше освещенья
Да искра истины средь мрака заблужденья,
И смотришь — славное сварили вы питье,
По вкусу каждому: в нем всяк найдет свое.
Цвет юности идет сюда, мечтая,
Что откровенье в пьесе он найдет,
И нежных душ чувствительная стая
Меланхоличной пищи сердцу ждет.
В одном одну мечту, в другом другую будит
Рассказ искусный ваш, и каждый зритель будет,
Ручаюсь, вашей пьесой восхищен:
Что в сердце у него, то в пьесе видит он!
Они еще не прочь и плакать и смеяться,
Возвышенное чтить и блеском восхищаться;

Кто пожил, на того не угодишь ничем,
А тот, кто не созрел, доволен будет всем!

Поэт

Отдай же годы мне златые,
Когда и сам я был незрел,
Когда я песни молодые
Не уставая вечно пел!
В тумане мир передо мною
Скрывался; жадною рукою
Повсюду я цветы срывал
И в каждой почке чуда ждал.
Я беден был — и все, что надо
Для счастья чистого, имел:
Стремленьем к истине кипел,
И бред мечты мне был отрада!..
Отдай мне прежний жар в крови,
Мои порывы и стремленья,
Блаженство скорби, мощь любви,
И мощной ненависти рвенья,
И годы юные мои!

Комик

Что юность! Юность вам нужнее,
Когда идете вы на бой,
Когда красавица порой
Сама на вашей виснет шее,
Когда конца своим трудам
Хотите быстро вы добиться,

Когда всю ночь придется вам
 Плясать, и петь, и веселиться.
 Но чтоб искусною рукой
 Играть, восторги возбуждая,
 И ловко там и сям блуждая,
 Стремиться к цели подставной,
 За это старшие пускай берутся смело:
 Тем больше будет вам почета, старики!
 Что старость в детство нас приводит — пустяки:
 До самой старости мы — дети, вот в чем дело!

Директор

Довольно слов, довольно споров,
 И комплиментов, и укоров!
 Зачем болтать по пустякам?
 Пора за дело взяться нам.
 К чему такие затрудненья?
 Что вдохновенья долго ждать?
 Поэт — властитель вдохновенья:
 Он должен им повелевать.
 Что нужно нам — мы с вами знаем;
 Напиток крепкий мы считаем
 За лучший — дайте ж нам его!
 Не забывайте ничего:
 Что можно сделать неотложно,
 Зачем на завтра оставлять?
 Должны мы сразу уловлять
 Все то, что нужно и возможно,
 И уж из рук не выпускать!
 Для нашей сцены все пригодно;

На ней — вы полный господин;
Берите сколько вам угодно
И декораций, и машин,
Огней бенгальских, освещенья,
Зверей и прочего творенья,
Утесов, скал, огня, воды —
Ни в чем не будет вам нужды.
Весь мир на сцену поместите,
Людей и тварей пышный ряд —
И через землю с неба в ад
Вы мерной поступью пройдите!